

Герд Б. Ахенбах

Психоаналитики остаются в подвале,  
трансцендентальные философы теряются в заоблачных далях,  
а философ-практик принимает гостей в бельэтаже

Доклад на открытии 16-го Международного конгресса по философской практике  
27 июля 2021 года в Санкт-Петербурге

И посвящение 40 годам философской практики

Уважаемые коллеги!

Как бы я хотел сначала обратиться к нашим друзьям в России с фразой "*здесь, в Санкт-Петербурге*", если бы это было возможно и допустимо! Но, как вы все знаете, опасения по поводу нашего слабого здоровья и ограничения, наложенные вышестоящими инстанциями, помешали коллегиальной встрече или сердечному знакомству, возможности общаться по-настоящему, находясь рядом друг с другом, и поэтому сейчас мы вынуждены, предварительно связавшись друг с другом электронным способом, *мысленно* воспроизводить образ фактического места проведения этого 16-го международного мероприятия по поддержке и продвижению философской практики. Но давайте останемся на том, что подобает философу, который – как говорилось у старого доброго Плутарха – "подобно пчелам, собирающим мед с чабреца, горькой, сухой травы, часто извлекает полезное и хорошее из самых жалких обстоятельств"<sup>1</sup>. Ален, более поздний потомок Плутарха и явно родственник ему по своим взглядам, по сути, повторил то же самое в более сухом тоне своих "Суждений":

"В обиходе философом всегда называли того, кто умеет извлекать из каждого происшествия лучшее, ибо только это помогает."<sup>2</sup>

Ален, как называл себя Эмиль Шартье, этот необыкновенный поставщик мыслей для философской практики, умер 70 лет назад - еще один повод вспомнить его с благодарностью.

Что ж, давайте придерживаться его и Плутарха процитированного ободрения: раз мы теперь - в силу неблагоприятных обстоятельств - вынуждены только *думать* о реальном месте, где предполагалось провести данное событие, это подходящий момент для того, чтобы нам вспомнить о фантастических достижениях мышления: ведь действительно отличительная способность мышления в частности состоит в том, чтобы делать отсутствующее присутствующим, в то время как наши чувства остаются рабски привязанными к настоящему... Таким образом, я только что смог позволить Плутарху из Херонеи, который, к сожалению, был почти забыт или просто обойден вниманием в более строгих академических кругах, говорить так, как если бы он был одним из нас и находился среди нас, хотя он жил в этом мире почти ровно за два тысячелетия до нас. Поэтому давайте не будем позволять себе, как это происходит в некоторых местах в соответствии с современностью, очернять мышление: дух, который также способен чувствовать себя как дома на любом расстоянии и в любом историческом *времени*, связан с мышлением, так же как и дух, который, по выражению Гегеля, "находится с самим собой в другом". Это, пожалуй, самая лучшая, самая подходящая и в то же время самая простая формула для описания того, что характеризует встречу между философом-практиком и его гостем: он понимает человека, обратившегося за советом, потому что способен "поставить себя на его место", сначала приложив усилия, чтобы почувствовать себя как дома *в этом другом человеке*, чтобы затем, - если это возможно и целесообразно, - отправиться *вместе с ним* в дальнейшие, возможно, более благотворные или более сложные регионы. Однако данные положения звучат так, как будто я хочу взвалить на несколько предложений весь теоретический груз философской практики, что вовсе не входит в мои намерения. Однако я намерен - не в последнюю очередь потому, что наши российские друзья попросили меня

---

<sup>1</sup> Plutarch, *Moralia* 467/6.

<sup>2</sup> Alain, „Die Pflicht, glücklich zu sein“, S. 156.

об этом - напомнить вам этим докладом, что философской практике, которая объединяет нас всех в смысле общей идеи, общего проекта и под эгидой назначенных институтов, в этом году исполнилось 40 лет, и что, если бы ее возраст можно было сопоставить с возрастом человека, она была бы вправе ожидать, что ее воспримут как "взрослую".

Однако - в качестве предосторожности - оставим вопрос о том, насколько "взрослой" стала философская практика, и вместо этого зададимся вопросом, а можно ли сказать, что философская практика отмечает свой "40-й день рождения"? Другими словами: идеи тоже "рождаются"?

Я думаю, что любой, кто не боится метафор - хотя философ-практик, в частности, не может позволить себе их бояться, потому что это лишит его того, что, возможно, является самым тонким и полезным средством коммуникации... - Так вот, любой, кто прибегает к помощи этих семантических мостиков, во всяком случае не сочтет неуместным сказать, что идея рождается после того, как кто-то некоторое время вынашивал её. Так было в 1981 году, теперь уже 40 лет назад - правда, после необычайно долгого, несвойственного человеческой особи периода беременности, почти как если бы я был слонихой, у которой беременность длится, как известно, добрых два года...

И тогда, после, как это называется, "тщательного обдумывания", я решил "воплотить в жизнь" идею философской практики. Странный оборот речи: "воплотить что-либо в жизнь" (в букв. пер. с нем. "вызвать к жизни" - *прим. пер.*)... А потом? Потом нужно ответить на вопрос и решить, действительно ли "пришло ее время"<sup>3</sup>? Тот факт, что сейчас мы собрались здесь на 16-м международном конгрессе по философской практике, позволяет нам ответить: да, она действительно родилась "в свое время". По крайней мере, возможно, в нужное время *для нас*, взявших этого новичка под свою опеку и теперь обсуждающих, как с ним дальше нужно, можно, а может и должно, поступить...

Но возникает ряд вопросов: делает ли наша поддержка философской практики ее существование в мире "свершившимся фактом"? Имеет ли она статус несомненной реальности? *Признана* ли она как действительность, - вот главный вопрос в данном случае: ведь как *духовная* реальность она *фактически существует* только тогда, когда *признается таковой*. И потом: несомненно, философская практика *существует* - даже во всем мире, как снова доказывает этот конгресс, - но *сохранится* ли она? Будет ли она расти, увеличиваться, развиваться, учиться, в хорошем смысле обретать свое собственное, возможно, predetermined, а потому соответствующее самосознание? Другими словами, есть ли у неё то, чего я ей желаю - как желают своим детям - хорошее, обнадёживающее будущее? У неё, а значит и у нас? Воспринимают ли её уже в той степени, как она того заслуживает, или нам приходится пока надеяться, что её заслуги ещё только будут признаны?

Что ж, такие мысли наконец-то привели меня туда, куда я, собственно, изначально и собирался, а именно к лаконичной заметке гениального Георга Кристофа Лихтенберга, этого уникала среди мыслителей. В качестве своего рода девиза, она, как заимствованный головной убор, изысканно украсила бы размышления, которые я хочу попытаться изложить далее. И теперь я привожу его афоризм прямо посреди текста, потому что и здесь он хорошо воспринимается. Итак, перед нами цитата Лихтенберга, первого профессора экспериментальной физики и первого немецкого афориста:

"Один рождает мысль, другой крестит ее, третий родит с ней детей, четвертый посещает ее на смертном ложе, а пятый ее хоронит."<sup>4</sup>

Видите ли, меня это утешает. В таком повторяющемся цикле, в конце концов, *многие* заняты одной идеей, и каждый делает, что должен, так хорошо, как может... Но я не хочу скрывать, - и наш конгресс в этом поможет, ... - я невольно переношу изящно равнодушный приговор Лихтенберга на историю идеи, которую я тогда задумал и воплотил в жизнь. Более того, я могу приписать себе честь, что крестил ее, и именно так ребенок получил свое имя. Ну, а если концепция философской практики за это время объединилась с другими и, в какой-то степени, обзавелась детьми, то это

<sup>3</sup> Vgl. den Artikel „Praxis; Philosophische“ von Odo Marquard, in: Historisches Wörterbuch der Philosophie, Bd. 7, Spalte 1307f, auch online zugänglich hier: [https://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis\\_text\\_marquard\\_Woerterbuch.asp](https://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_marquard_Woerterbuch.asp). Außerdem: Die „Chronik der Philosophischen Praxis. 1981-1994“: [https://www.achenbach-pp.de/papers/archiv\\_chronik\\_philosophische\\_praxis\\_1981-1995.pdf](https://www.achenbach-pp.de/papers/archiv_chronik_philosophische_praxis_1981-1995.pdf).

<sup>4</sup> Lichtenberg, Werke in einem Band, Hamburg o.J., S. 73.

тоже, вероятно, произошло не без моего вмешательства. А сейчас? Сейчас годы требуют от меня, чтобы я с видом приобретенной со временем мудрости, ждал того "четвертого", который, согласно Лихтенбергу, станет у смертного одра философской практики. Проявим же самообладание и скажем: "Пусть он придет!" Только с ее погребением, давайте внесем ясность, я не согласен, во всяком случае, *пока не согласен*.

Но на данный момент все личные переживания должны остаться неслышанными, чтобы мы могли вместе оценить грандиозное высказывание Лихтенберга как масштабную просветительскую идею, которой оно является по своему содержанию. Что это значит? *Даже идеи, даже мысли* - как когда-то боги - *смертны*. Так оно и есть. Они поднимаются тогда и в той мере, в какой это им дано, они добиваются признания и утверждают себя, затем они вступают в борьбу, и в какой-то момент - это великолепно увидел и осмыслил Лихтенберг - они уже не утверждают себя собственной силой, но, если все шло хорошо, объединяются с другими мыслями и становятся толчком для дальнейших, новых мыслей и идей, с которыми они соединяются, и которые примыкают к ним, и затем эта первоначальная идея - я думаю при всем при этом, как я уже признался, о философской практике! - только продолжает работать уже в подполье, возможно, *инкогнито*, возможно, как фермент, который все приводит в движение и нарушает спокойствие.

Но понимаете ли вы, дорогие коллеги, что это значит? Как понимал Гегель, все погружено в среду истории, то есть оно приходит и уходит, и не остается, если только не преобразуется, или, если выразаться в библейском тоне, будет погребено, подобно семени, которое *должно* быть погребено, чтобы принести плод. И разве использованное ранее выражение, что философская практика была "воплощена в жизнь", не напоминает также величественно-торжественный тон библейского рассказа о сотворении мира, так что можно сказать: в "пост-парадизе" такой воссозданной жизни полагается в то же время прийти к своему концу и смерти в соответствии с древнейшим и с давних времен подтвержденным законом?

Я пока оставляю этот вопрос без ответа и вместо этого позволю себе небольшое отступление или экскурс, который может связать мысль замечательного Николая Кузанского с библейским мифом о сотворении мира и "рождением" идеи философской практики, которая нас здесь волнует. Как это все соотносится?

Идея Николая Кузанского, выходящая за рамки обычной экзегезы, заключалась в том, что в начале божественной властью было воплощено существо, которое не просто жило в этом мире *как* творение - со своей стороны не более чем "тварь", которая вела себя соответствующим образом и следовала своей однажды предначертанной судьбе - но было воплощено существо, которое со своей стороны стало *творческим*, что можно перевести как: человек - это существо, которое имеет *дух*, или точнее: *является духом*. Это, в свою очередь, как понимал Николай Кузанский, означает, что человек не только ответственен за мир - как это сегодня настойчиво внушается многими, - он также не только должен его сохранять, но и призван продолжать созидание в правильном духе, например, создавая институты, правовые системы, произведения искусства, или даже воплощая в жизнь - акт удивительного самовозвышения! - то, чего раньше не существовало, и что теперь стало реальностью, чисто "вы-думанной" и изначально являвшейся лишь идеей, замыслом, чем-то воображаемым. Но тот факт, *что* такая мысль смогла стать реальностью, может быть надежно распознан - и здесь я возвращаюсь к высказыванию Лихтенберга - по тому, что эта новая реальность способна освободиться от зависимости от своего создателя и постепенно становится независимой, начинает вести собственную жизнь и вскоре идет *своим* путем, замечу, не всегда тем, какой задумывался ее "создателем"...

Но это часть того опыта, о котором мы с полным правом можем сказать в ретроспективе, что мы *должны* были его пережить. Ведь часто опыт - это то, что появляется только в результате переработки разочарований в ожиданиях. Но независимо от такого значения приобретенного опыта, применима другая, не менее грандиозная мысль Лихтенберга, и ее тоже можно поставить перед философской практикой в качестве девиза:

"Чтобы увидеть новое, необходимо сделать нечто новое."<sup>5</sup>

---

<sup>5</sup> Lichtenberg, Schriften und Briefe, Bd. II, München-Wien 1992, S. 321 [Nr. 1770].

Это, дорогие коллеги, подтверждается в наших кругах, я полагаю, в течение многих-многих лет, и мы можем быть благодарны за это.

Но со своей стороны - поскольку это, вероятно, ожидается от обзора последних 40 лет - я хочу рассказать о том, что я научился видеть по-новому и по-другому в результате того нового, что мы делаем. Другими словами, я хочу рассказать о некотором опыте, который я приобрел, или: что в течение последних десятилетий сложилось иначе, чем я, возможно, ожидал? На что я не "рассчитывал", как говорится, или, что прежде всего меня удивило?

Сильнее всего, я думаю, это: очень скоро, благодаря опыту консультаций, мне пришлось осознать и научиться ценить, что люди гораздо более своеобразны, более упрямы в хорошем смысле слова, вообще говоря: более *индивидуальны*, некоторые даже более *оригинальны*, чем я мог себе представить раньше и поэтому ожидать.

Последствия? Сейчас я думаю, что никто не сможет понять другого, пока не обретет глаза, чтобы увидеть *уникальность* этого другого. И этот опыт стал для меня принципом, который можно сформулировать следующим образом: Если в начале встречи я поддаюсь искушению увидеть множество несомненно *имеющих* место быть сторон человека, которые он разделяет с другими, которые позволяют опознать его – сегодня, преимущественно, – как "современника", если я поддаюсь искушению воспринимать эти его стороны слишком ясно, возможно, чрезмерно ясно, что случается... то я знаю тогда, что я заблуждаюсь на его счет, что я позволяю себе быть ослепленным тем, что явно *не имеет* значения. Потому что принцип таков: *типизация - это банкротство знаний о человеческой природе*. Тип уместен в комедии. Что типично, то комично или, в худшем случае, смешно. Вы, наверное, слышали намек на психологическую практику относить пациентов к определенным категориям, там они называются диагнозом, хуже: не только относить, но и лечить.

Именно этот опыт, между прочим, снова и снова подтверждает мой принцип скептического отношения ко *всем* теориям, схематизирующим индивидуальное в человеке, - а именно это они все и делают: теории, так сказать, не могут иначе. И это подходящий момент, чтобы озвучить цитату, которую как еще один девиз я дал в напутствие философской практике. Ей мы обязаны Гете:

"Теории - это обычно результаты чрезмерной поспешности нетерпеливого рассудка, который охотно хотел бы избавиться от явлений и поэтому подсовывает на их место образы, понятия, часто даже одни слова."<sup>6</sup>

И поскольку я так люблю приглашать мысли других людей к участию в беседе в соответствующем контексте, я хотел бы добавить еще два примечания к изречению Гете. Первое, опять же афоризм, принадлежит перу французского моралиста Ларошфуко и гласит:

"Легче познать людей вообще, чем одного человека в частности."<sup>7</sup>

Другой и второй важной мыслью, странно простой, почти простодушно-благочестивой, мы обязаны интеллектуальному наставнику Симоны Вейль, Гюставу Тибону:

"Нельзя относиться универсально к тому, что Бог задумал как нечто в корне различное."<sup>8</sup>

Это высказывание следовало бы включить в неизменный фонд правильных максим. В любом случае, однако, оно принадлежит к убеждениям философской практики и рассматривается мной как закреплённый принцип.

Теперь, самым странным образом, эта убежденность в фундаментальной индивидуальности человека, с которой мы сталкиваемся, сочетается с другой мыслью, приходящей к нам из совершенно иного направления, а именно с той, которую Шопенгауэр высказывает в своем труде "Transzendente Spekulation über die anscheinende Absichtlichkeit im Schicksal des Einzelnen" (букв. "Трансцендентальные рассуждения о кажущейся преднамеренности в судьбе индивида" – *прим. пер.*), представленном с таким образцовым скептицизмом и тщательными оговорками, грандиозном, загадочном тексте, которому в качестве эпиграфа предшествует едва ли менее таинственная фраза Плотина, переведенная как:

---

<sup>6</sup> Goethe, Hamb. Ausgabe Bd. 12, S. 440.

<sup>7</sup> Die Franz. Moralisten, hg. v.F.Schalk, Bd. I, München 1973, S. 83.

<sup>8</sup> Thibon, Nietzsche und Johannes vom Kreuz, Paderborn 1957, S. 44

"В жизни не существует случайностей, а есть только гармония и порядок."<sup>9</sup>

Я постиг: если я посвящаю себя человеку с таким допущением - то есть с допущением той преднамеренности, о которой говорил Шопенгауэр, и которая принадлежит судьбе индивида, - то это позволяет мне относиться к часто странным путям, которые выбирают люди, их своеобразию и особенностям с тем почтением, которое помогает уважать их прежде всего такими, какие они есть, какими они стали, признавать их, позволять им быть. Иными словами, первое и почти единственное, что имеет значение - что, собственно, и составляет философскую практику - это понять людей, которые приходят к нам, такими как они к нам приходят, чтобы затем, на втором этапе, просветить их относительно самих себя, что с прекрасной регулярностью, как показывает опыт, привносит движение в их жизнь.

Давайте рассмотрим это на конкретном примере. Человек, пришедший к нам на консультацию, подавлен. Тогда первая задача философа-практика - понять, *что* его угнетает. Вторая, уже более сложная задача - понять, *насколько сильно* это его угнетает. Наконец, в-третьих, философу-практику требуется собрать воедино и пересказать страдание человека, которое ни в коем случае не носит – и опыт показывает, что крайне редко – "эндогенный" или "примитивный" характер (бремя, которое психолог обычно взваливает на своего пациента), но скорее является субъективным моментом объективного хода вещей, что позволяет читать личную историю как принадлежащую истории культуры.

Кроме того, человеку в подавленном настроении может быть полезно, если нам удастся донести до него, что это не говорит против него, если жизнь для него трудна. Нет, наоборот: философия испокон веку рассматривала виртуозно легкое отношение к жизни как противоестественное.

И это повод еще раз пригласить мысль другого человека в нашу беседу, мудрое резюме, со своей стороны вытекающее из опыта всей жизни, цитата богослова Гельмута Тилике.

"Опасности человека неизменно [я бы сказал осторожнее: часто] являются оборотной стороной его величия и ранга. Его величие и его страдания принадлежат друг другу. [...] Формы неудачи, экзистенциальной неудачи, таким образом, возникают не в низших сферах, так сказать, в животных подвалах, где волки воют (Ницше), но происходят в "бельэтаже" личности, то есть там, где человек злоупотребляет своей свободой и растрчивает привилегию своей судьбы."<sup>10</sup>

Каждый раз, когда я снова читаю этот отрывок, я вспоминаю ответ Зигмунда Фрейда на речь Людвиг Бинсвангера на 80-летие Фрейда в 1936 году - и теперь вы видите, что я наконец-то останавливаюсь в нужном месте, на которое указывает избранный мной самим заголовок этого доклада, то есть на упомянутых в нем территориях – подвал и бельэтаж,...

В то время мастеру, благодаря своему благоразумию, мудро удалось избежать личного знакомства с этой речью своего друга, столь глубоко преданного философии - он держался в стороне от церемонии, поскольку, как он дал понять, чувствовал себя не совсем хорошо. Но потом он все-таки прочитал речь, в которой Бинсвангер указал границы психоаналитического мышления самым серьезным и возвышенным образом, какой только можно себе представить. Пользуясь случаем, я рекомендую вам прочитать этот замечательный текст, который точно обозначает позицию экзистенциального (тж. дазайн-, *прим.пер.*) анализа - этого уважаемого предшественника философской практики - по отношению к ортодоксальному психоанализу. Название: "Фрейд и его концепция человека в свете антропологии". Основополагающий тезис анализа, который Бинсвангер дает психоанализу, заключается в том, что - процитируем хотя бы это... -:

"В концепции, диаметрально противоположной тысячелетней традиции, сущность человека для Фрейда – это не *homo aeternus* или *coelestis*, и не "универсальный" исторический человек, *homo universalis*... в противовес современной онтолого-антропологической концепции человека как, в полном смысле, существа исторического, *homo existentialis*, Фрейд скорее предполагает научную концепцию *homo natura*, человека как естества."<sup>11</sup>

<sup>9</sup> Plotin, *Enneades* IV, L. 4, c. 35.

<sup>10</sup> Thielicke, *Religion in der heutigen Gesellschaft*, in: *Kindlers Enzyklopädie Der Mensch*, Bd. VI., S. 818.

<sup>11</sup> Binswanger, *Ausgewählte Vorträge und Aufsätze*, Bd. I, Bern 1947, S. 159

Таким образом, Бинсвангер представил в правильном свете то, что в очередной раз в дистиллированном и концентрированном виде попало в лаконичную формулу, которая теперь обозначает не только психоанализ, но и научную психологию в целом. Мы обязаны этой формулой уникальному человеку, афористу от бога, недавно умершему Николасу Гомесу Давиле:

"Вся научная психология ложна по своей сути, потому что она стремится представить в качестве объекта то, чья природа заключается в том, чтобы быть субъектом."<sup>12</sup>

Но вернемся к Фрейду. Итак, он прочитал статью своего столь ненадежного друга Бинсвангера и после этого чувствовал себя обязанным поблагодарить его за нее в письме, и, разумеется, использовать возможность поставить его на место. Другими словами, фундаментальный знак вопроса, который Бинсвангер поставил за делом всей жизни Фрейда, должен был быть стерт с помощью целенаправленной контратаки, и ущерб для психоанализа, который можно было бы ожидать в противном случае, должен был быть предотвращен. Я имею в виду письмо Зигмунда Фрейда, датированное 8 октября 1936 года и отправленное с Берггассе 19 в IX районе Вены, которое может претендовать на статус "исторического". Из него, как вы сейчас услышите, я взял формулировки для названия моего доклада. Цитирую:

"Милый друг!

Какая приятная неожиданность — Ваш доклад. Слушавшие его и мне о нем передававшие явно остались незатронутыми; был он для них, наверное, и слишком труден. При чтении я радовался Вашему прекрасному слогу, Вашей учености, широте Вашего горизонта, такту Ваших возражений. Похвалу, как известно, человек терпит в неограниченных количествах.

Разумеется, я Вам все-таки не верю. Я всегда оставался только в подвальном и первом этаже здания. Вы утверждаете, что если переменить исходную точку, виден еще и верхний этаж, в котором обитают столь именитые гости, как религия, искусство и т.п. Тут Вы не единственный, большинство культурных представителей *Nomina natura* того же мнения. В этом Вы — консерватор, я — революционер. Если бы мне предстояла еще одна трудовая жизнь, я бы, наверное, в моем низком домишке дал убежище и этим высокородным господам. Для религии оно мною найдено, после того как я натолкнулся на категорию «коллективный невроз». Но мы, должно быть, говорим о разных вещах и для урегулирования нашего разлада понадобятся столетия.

В сердечной дружбе..."<sup>13</sup>

О том, как Фрейд представлял себе такое размещение высших человеческих способностей в тех сводчатых подвалах, в которых психология чувствует себя как дома, нам снова рассказал его друг Бинсвангер, который сообщил о своем визите к Фрейду в Вене в апреле 1913 года. В то время он посещал Фрейда вместе с Паулем Геберлином, философом, которого многие сегодня помнят только благодаря его дружбе с Вальтером Беньямином. Геберлин, в свою очередь, оставил свои воспоминания об этом визите Бинсвангеру, который поделился ими с нами в своей небольшой книге "Воспоминания о Зигмунде Фрейде". Цитирую:

После того как Геберлин в разговоре "возразил против фрейдовского выведения феномена совести ("цензуры)", но Фрейд остался при своем мнении, и после того как Фрейд в свою очередь поинтересовался у своего гостя, "не является ли "вещь в себе" Канта тем же самым, что он (Фрейд) "понимает" под бессознательным" - что Геберлин, само собой разумеется, со смехом отрицал, Фрейд "выразил мысль..., что философия - это одна из самых достойных форм сублимации подавленной сексуальности, не более того". На что Геберлин задал "встречный вопрос", "чем же тогда является наука, и в частности психоаналитическая психология."<sup>14</sup>

Вот такая небольшая, развлекательная интермедия, как и положено в контексте растянутой во времени речи, особенно когда она подходит к концу... В то же время, однако, я хотел бы воспользоваться возможностью объяснить, что в этом конфликте - или разладе, как говорит Фрейд, - я занимаю сторону Бинсвангера и его экзистенциального анализа, я имею в виду в отношении вопроса о том, место ли человеку подвале, и следует ли его рассматривать как дитя подземелья,

<sup>12</sup> Nicolás Gómez Dávila, *Notas. Unzeitgemäße Gedanken*, Berlin 2006, S. 44.

<sup>13</sup> Sigmund Freud, Ludwig Binswanger, *Briefwechsel 1908-1938*, hg. v. G. Fichtner, Frankfurt a.M. 1992, S. 236f.

<sup>14</sup> Binswanger, *Erinnerungen an Sigmund Freud*, Bern 1956, S. 19f.

вечно обитающее в подвале, или его следует принимать в более светлых и легких комнатах в бельэтаже, где благодаря философу для него откроются иные виды и перспективы.

Но прежде всего - и здесь я беру на себя смелость выдвинуть тезис, который в худшем случае может быть истолкован как объявление войны глубинной психологически ориентированной психотерапии, - но прежде всего, там, на этом верхнем этаже, отнюдь не присутствуют, как хотел сказать Фрейд в приторном тоне, только "именитые гости", среди них есть циники, хитрые, беспринципные, ожесточенные, озлобленные, разочаровавшиеся в жизни, откровенные негодяи, скрывающиеся за фасадом буржуазной респектабельности, среди них есть мрачные неудачники, всё и вся отрицающие, есть испуганные и отчаявшиеся, те, чей опыт лишил их мужества жить, есть те, кто думает, что покончил со всем и оставил все позади, кто, возможно, всю жизнь проходил мимо себя и теперь не знает, как найти себя, есть разочарованные и лишившиеся иллюзий, которые не могут найти путь назад в жизнь, на которую они были бы согласны, и которая открывала бы перспективы лучшего будущего, там добродетели сталкиваются с пороками, а еще чаще - в нездоровой атмосфере скрытой вражды – вторые с первыми (даже если соответствующие термины утратили свою популярность...), там есть слабые, которые страдают от своей слабости, и сильные, которые не знают, что делать со своей силой, есть якобы высокоодаренные, которым не хватает самой простой жизненной мудрости, так что они становятся неудачниками в повседневной жизни, и профессионалы, которым недостает образования. Мы также встречаем там религиозно запущенных людей, заблудившихся в лабиринтах эзотерики - как вы знаете, мы могли бы продолжать и продолжать, перечисляя тех, кто ищет помощи и совета у философа-практика, но прежде всего просвещения, разъяснения о том, как они попали в свое несчастье. И последнее, но не менее важное: там, на верхнем, благородном этаже, как и всегда, есть добро и зло.

Но все это создает конфликты, которые кажутся в высшей степени *трагическими*, что требует от нас увидеть их как *трагические* конфликты и таким образом отдать им должное. Однако это конфликты, которые возникают не из-за столкновения низших сил, то есть сил подвалов и полуподвалов, на самом деле в эти конфликты впутываются "благородные" силы с верхнего этажа или "бельэтажа личности", я имею ввиду: это *столкновения духа*, взглядов, суждений, самовосприятия и предположений о смысле и течении вещей в этом мире. Не в последнюю очередь, это мировоззренческие споры в самом широком смысле, и следует добавить, что "мировоззрения" не являются ни безобидными, ни просто "теориями", потому что: в зависимости от того, как я смотрю на мир, понимаю мир, так я буду действовать, чувствовать принадлежность к одним, отвергать других как чужих.

Для консультирования, однако, это означает следующее: то, что вовлекает, как сказал Тилике, людей в конфликты и в некоторых случаях осложняет их жизнь, возможно даже делает ее невыносимой, нередко является их *лучшими* сторонами, их самыми решительными, самыми справедливыми убеждениями, да собственно их моральными качествами, которые не нуждаются в терапевтическом усмирении - ради ленивого покоя в жизненном балансе, - но скорее в укреплении, возможно, даже тогда, когда эта жизнь увязла в трагичности.

Это хороший момент, чтобы снова процитировать Георга Кристофа Лихтенберга, у которого я хотел позаимствовать девиз в самом начале. Обычно я цитирую его слишком мало, хотя я очень многим ему обязан. Философская практика обязана Лихтенбергу одним из своих принципов, и я считаю, что опыт сорокалетнего консультирования укрепил ее так, что теперь она еще более основательна и непоколебима, чем когда-либо прежде.

Сам Лихтенберг называет то, что я заимствовал у него в качестве принципа, "золотым правилом". Оно гласит:

"Золотое правило: судить о человеке не по его мнениям, а по тому, что делают из него эти мнения."<sup>15</sup>

Возможно, придется послушать дважды, чтобы понять всю соль этой мудрой рекомендации. Она в том, *что* мнения, которых придерживаются люди, "делают из них" что-то. И это правда. И наоборот: если мы извлекаем человека - например, путем прозрения, путем приобретения иного, скажем так, более дифференцированного взгляда на вещи, который учит его видеть жизнь более

---

<sup>15</sup> Lichtenberg, Bd. I, S. 789 [Nr. 966]

разнообразной, более красочной, возможно, с разных, взаимодополняющих точек зрения - мы таким образом получаем человека, который пересматривает свои мнения и взгляды, усовершенствует их, сенсibiliзирует их, расширяет их, выводит их за горизонт, мы меняем его в то же время и таким образом развиваем его достоинства, и это значит – его лучшие добродетели, а это те, которые всегда были в большом почете: вдумчивость, благоразумие, осмотрительность, способность и готовность к взвешенным решениям, решимость отстаивать то, что признается правильным, и смело придерживаться того, что считается хорошим. Что он остается верен тому, от чего - согласно его самому добросовестному рассуждению - в конечном счете и во всех вопросах все зависит, тому, чего он истинно настойчиво желает.

В лучшем случае, однако он понимает это как: нечто хочет быть желанным для меня. Это больше, чем просто желать. Это означает: исполнить то, что мне предназначено.

Все это приводит нас к пересмотру прекрасной мысли Марвина Мински, ...

"Мышление влияет на наши мысли."<sup>16</sup>

Совершенно верно, я склонен сказать. Но верно и обратное, и это настоящая надежда, связанная с философской практикой: *мысли влияют на мышление*. Будем надеяться, что я прав в этом вопросе.

Однако, как вы заметили, не было никакого упоминания о "трансцендентальных заоблачных далах" - неологизм, кстати, которым, насколько мне известно, мы обязаны моему учителю Одо Маркварду (речь идет о фразе „transzendente Wolkenreiter“ – букв. «трансцендентальные облакоходы» - *прим. пер.*). Но это темная, возможно, даже печальная глава. Хотя философам-практикам, конечно, не нужно объяснять, что имеется в виду: академическая философия, которая довольствуется теорией и занимается в первую очередь самой собой. Она ничего не знает об этих подвальных историях человека и ничего не хочет о них знать, и в бельэтаже устраиваются лишь междусобойчики, в возвышенном тоне и атмосфере благодарной коллегиальности, что кому-то может напоминать старый гильдийный элитаризм. И все же, я скажу о том, что когда-то - тогда, когда я вынашивал идею философской практики, - заставило меня бежать из сих высокородных мест, несмотря на все благородство и престиж этих коллег в сравнении с нами. То была мысль, которую я почерпнул у К. Г. Юнга, и которую я, соответственно, могу выразить так: "можно долго продержаться со слабой теорией", пока мы не испытали ее на практике.<sup>17</sup> И сегодня философская практика как раз является пробным камнем и, таким образом, *серьезным направлением в философии*, поскольку ей приходится испытывать себя в конфронтации с людьми, которые обращаются к ней и ожидают от нее чего-то, часто многого, иногда слишком многого.

Поэтому, уважаемые коллеги: имейте мужество применить свои философские способности там, где это необходимо. И этим обращением из Кенигсберга я приветствую всех вас и одновременно выражаю вам свою благодарность.

---

<sup>16</sup> Marvin Minsky, Mentopolis, Stuttgart 1990, S. 58.

<sup>17</sup> C.G. Jung, Ziele der Psychotherapie, in: Gesammelte Werke Bd. XVI, S. 40.